

Матушка рóдная, дай воды холодной...

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ЕКАТЕРИНЫ, БУДТО В КАЛЕЙДОСКОПЕ, МЕЛЬКАЛИ СОБЫТИЯ НЕДАВНЕЙ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ

Поздней осенью 1746-го императрица и весь многочисленный штат сменили свои дворцовые покои, перебравшись из деревянных летних рекреаций в каменные зимние апартаменты. Елизавета Петровна изволила занять комнаты, в которых ранее квартировала престолонаследная чета, а юную парочку перевели на другую половину — туда, где некогда располагалась государыня Анна Иоанновна. Рядом же, под одной кровлей, в бывших обширных помещениях ее любимца герцога Курляндского Эрнста Бирона, обосновались новые жильцы: княжеское семейство Репниных и двое Чоглоковых — Николай Наумович и Мария Симоновна...

«Поневолили-то
мóлодца
жениться...»
Семья русского
младшего царя:
Петр
Алексеевич
(1672 — 1725)
и Евдокия
Феодоровна
(1669 — 1731).

БЫТЬ СВЕТСКОЙ ПУСТЫННИЦЕЙ СТРОЙНОГО РОСТА...

Добрые соседи, по обычаям тех лет, от зари и до зари резались в карты, причем капризная статс-дама (воспитательница Кати!) предпочитала победы и взлеты, гневаясь и топя ножками, когда игра шла под гору. Вспыхивали скандалы, склочная особа опрометью мчалась к своей августейшей кухне и ничтоже сумняшеся слезно наговаривала на всех врагов. Ей — воздадим по заслугам! — удалось навредить многим, и этих людей постепенно отдалили или совсем удалили от блестящих тронных ступеней. В частности, изрядно пострадала придворная карьера генерал-поручика Василия Репнина — сына прославленного петровского полководца, героя Лесной и Полтавы.

Однако Екатерина вспоминала ту зиму не без удовольствия. Скучать доводилось меньше прежнего, и даже надоевший недуг не мешал резвиться вместе с молодыми повесами, являвшимися в свите Петра Феодоровича проводить великую княгиню. Среди гостей были Петр Девиер («доверенное лицо» Елизаветы Петровны), граф Сергей Салтыков (дальняя родня царицы Прасковьи), гвардейский офицер Петр Репнин (племянник Василия Никитича) и трое Александров — Вильбуа, Голицын и Трубецкой. Все — а старшему не стукнуло и тридцати — от души прыгали, скакали, танцевали, играли в жмурки. Иногда наслаждались концертами, после чего сытно и вкусно ужинали. Дважды в неделю веселая компания отправлялась в театр, стоявший на Невском проспекте напротив Казанской церкви. Разделить радость золотой молодежи приходили порою и сановники «большого Двора».

«О, такой пленительной истомы я не знала до сих пор...»
Наречение царской невесты царевною. Московская Русь
(художник Вячеслав Шварц, 1868 год).

И ПРОСВЕТИЛ МОЙ ТЕМНЫЙ ВЗОР...

Легкие, мимолетные забавы отвлекали Катю от печальных мыслей о прошлом и настоящем, но стоило ей вернуться домой и войти в тихий будуар, как мрачноватые картины вновь начинали тяготеть над растревоженным сознанием полугоспожи-полу пленницы. Все, что уже было, могло повториться в самых жестких формах, а при неблагоприятных обстоятельствах — не приведи, конечно, Господь! — обрушить свой внезапный удар на ее, Фике, будущее. Не грех, ой не грех, поучиться на чужих уроках, чужих примерах. И следует поэтому размотать весь длинный клубок, не оставляя и малого узелка.

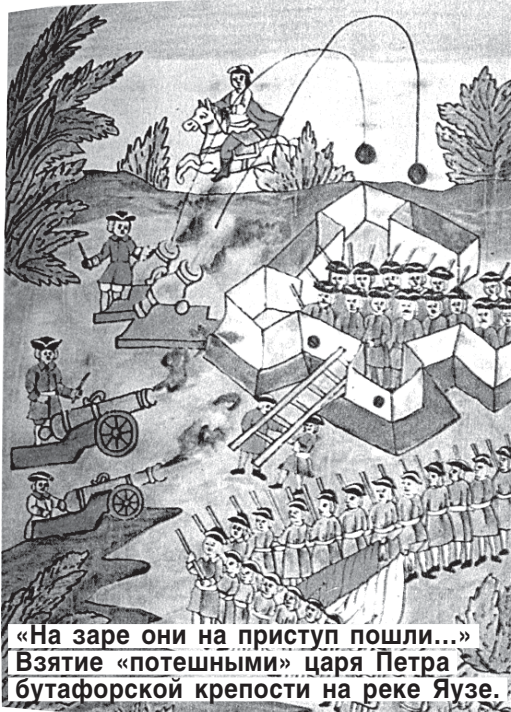
...Устроена регентшей-правительницей Софьей Алексеевной свадьба Ивана V — старшего сына Алексея Михайловича от Марии Милославской — весьма насторожила другую жену покойного самодержца, государыню Наталью Кирилловну. Оказавшаяся не у дел августейшая вдова прекрасно понимала: если супруга хворого Ивана, крепкая и сочная молодуха Прасковья, родит здо-

рового, жизнеспособного мальчика, то престол почти механически окажется за пазухой у Милославских, а для Петра — второго Алексея отпрыска и ребенка по линии Нарышкиных — все перспективы будут заблокированы раз и навсегда. Нужно торопиться! Но Петр еще «зелен» (на целых шесть лет младше Ивана — по совпадению на столько, на сколько Софья уступает возрастом своей «мачехе» Наталье), и женитьбу его — очень желательную и полезную для всего нарышкинского клана — приходится откладывать до лучших времен.

Впрочем, не одни матримониальные хлопоты озадачивали Наталью Кирилловну. Резко усилившаяся Софья, вокруг которой собирались лихие стрельцы, вытеснила постыльную мачеху из Кремля, заставив переехать — с обоими детьми, Петром и младшей дочкой Наташей — за семь верст от Первопрестольной, в загородное село Преображенское на левом берегу Яузы, откуда влиять на московскую политику было, мягко говоря, не с руки. Неугомонный Петр любил, кроме того, ближнюю усадь-

бу Воробьево и пышную Сокольничью рошу, где учинял потешные военные игры и громобойные пушечные маневры. (Фике усмехнулась: царицу Наталью удалили из стольного града точно так же, как и ее «матер» Иоганну Элизу — подали карету и вывезли на природу...)

Петр охотно путешествовал во главе своего «Марсова» отряда — в Коломенское, в Троице-Сергиеву обитель, в Макарьевский и Калязинский монастыри, в иные места, куда за ним тянулись не только телеги с оружием и порохом, но и доски с шахматами — точеными фигурками, над коими позднее, на ассамблеях в Немецкой слободе, он обожал колдовать, поглощая при этом немереное количество пенного пива. Повзрослев, заинтересовался кораблями, хотел завести мощный флот. Поспешил под Владимир, в город Переславль-Залесский — в шестидесяти с лишним верстах от Троицкого монастыря. Здесь, на огромном Переславском озере, младший царь и замыслил рубить-испытывать-совершенствовать парусные и гребные суда.

«На заре они на приступ пошли...»
Взятие «потешными» царя Петра
бутафорской крепости на реке Яузе.

Ну а мать, Наталью Кирилловну, волновала бытовая сторона вопроса. Метания голубокровного чада по бескрайней России явно не устраивали ее нежное сердце. «Женится — переменится! — повторяла практичная царица. — Довольно ему, как мужику сиволапому, с топором да молотком по бревнам сновать». Заботливую родительницу точило известие о том, что Прасковья — после долгих пятилетних «каникул» — наконец «понесла» и вот-вот одарит своего нерасторопного избранника (старшего царя!) августейшим младенцем. А вдруг — дыхание перехватывает — сыном? Пиши пропало... В действительности бойкая чаровница ждала дочку, нареченную во крещении Марией. Девочке был отпущен трехгодичный земной срок, но тогда, летом и осенью 1688-го, о том не ведал никто, как никто, разумеется, не мог предсказать пол будущего потом-

ЩЕБЕТ ЖЕНЩИН СНОСИТЬ СЛОВНО БИЧ...

ства. Политический горизонт заволочла плотная завеса тумана...

Стоило Петру вернуться из Переславля, как нахмуренная Наталья сообщила ему о предстоящем марьяже. Предупредив: сие — дело решенное, и возражений она не потерпит. Пора, милый, остепениться! 16-летний отрок оторопело выслушал волю державной матери. 27 января 1689 года в Преображенской дворцовой церкви священник обвенчал брачную чету. Слава богу! Никаких заминок — Прасковья, невестка, уже на восьмом месяце! А коварная Софья, чай, млеет и предвкушает... Суженая Петра — Евдокия Феодоровна Лопухина — взрослая, под двадцать, девица (старше мужа, как и Прасковья — Ивана), принадлежала к незнатному, но древнему дворянскому роду. Легенда гласила, что пращуром Лопухиных был могучий адыгский (касожский) бога-

тырь Редёда, который мужественно пал около семи веков назад в поединке с одним из сыновей крестителя Руси князя Владимира равноапостольного от гордой варяжки Рогнеды — Мстиславом Храбрым где-то на Северном Кавказе. Домашние погибшего воина попали в плен, крестились и обрусели, превратившись в подданных киевского властелина. Однородцами Лопухиных считались впоследствии Сорокоумовы-Глебовы, Кокошкины и Ушаковы (к каковым относился и бесстрашный адмирал той эпохи, когда маленькая Фике стала Екатериной Великой).

...Красивая, зрелая невеста недвусмысленно поглядывала на привлекательного, но неопытного благоверного, показывая всем видом, что готова без проволочек исполнить супружеский долг и оправдать заветные чаяния своей царственной свекрови.